

The illustration depicts a knight in a black tuxedo and a silver helmet with a visor, holding a sword. The knight is set against a dark, ornate background with circular patterns and golden, spiky motifs. In the upper left, a scale of justice is shown with blood dripping from its pans. A circular badge in the top right corner contains the text '16+'.

16+

Евгений ПЕРОВ

ЗАЩИТНИК

Евгений Перов

Защитник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39140442

SelfPub; 2018

Аннотация

Будущее. Храмы правосудия больше напоминают стадионы, билеты на заседания продаются тысячами, а тяжбы решаются... дуэлями. Рейтинги трансляций особо громких дел, главного развлечения современного мира, выше, чем по всем видам спорта вместе взятым. Неудивительно – человека всегда привлекали кровавые зрелища. В этом плане тысячелетия цивилизации мало что изменили. Знаменитый адвокат Тео Робертсон пока ещё на вершине рейтингов, но его время уходит. Стоит ли продолжать борьбу с молодыми соперниками? Или лучше спокойно отступить, находясь в зените славы?

Защитник

Зал суда был полон.

На старинных картинах интерьеры зданий часто похожи на убранство церквей: деревянные скамейки в несколько рядов, по центру – кафедра вместо алтаря. Теперь храмы правосудия больше напоминают стадионы, а билеты на заседания продаются тысячами. Рейтинги трансляций особо громких дел, главного развлечения современного мира, выше, чем у чемпионатов мира по футболу, бейсболу и остальным видам спорта вместе взятым.

Неудивительно – человека всегда привлекали кровавые зрелища. В этом плане тысячелетия цивилизации мало что изменили.

Кондиционируемый воздух всё равно казался ужасающе спёртым, и Тео расстегнул жёсткий воротник стёганки. Репортажные дроны размеренно жужжали подобно майским жукам. Разумеется, мало кто знал, как жужжат настоящие майские жуки – все они вымерли сотни лет назад, как, впрочем, и большая часть остальных насекомых. Да и времена года теперь ничем не отличались одно от другого. Вот уже много лет над Нью-Эйджем царила весна. Спасибо климатическим установкам производства Пью-Эйр-Тек.

Тео принялся пробираться по отгороженному силовыми барьерами коридору – иначе протолкнуться сквозь толпу бы-

ло бы невозможно – к своему клиенту. Майкл следовал по пятам.

В деловом костюме, строго подогнанном под узкую талию, Майкл казался слишком щуплым и выглядел младше своего возраста. Смуглокожий, с короткими курчавыми волосами, внимательными чёрными глазами и жиденькой бородкой, которая наотрез отказывалась расти на щеках, он отдалённо напоминал сатира или фавна. Но Тео знал, что тело, скрытое этой одеждой, похоже на стальной трос – жёсткое и закалённое постоянными тренировками.

Из толпы тянулись руки, упирающиеся в невидимую стену, звучали крики приветствия. Одна девушка с ярко-розовыми волосами и гирляндами пирсинга на лице распахнула блузку и прижалась к барьеру обнажённой грудью (за что тут же была выдворена из зала парой дроидов-приставов).

Недалеко от кафедры судьи была специальная трибуна, выделенная для практикующих адвокатов округа, не участвующих в текущем процессе. Тео отметил старых знакомых-соперников. Со многими он сходил на Арене, а с некоторыми даже больше, чем один раз: Джон Бишоп, Роберт Сайдон, Хью Дерринджер. Но многие лица он видел впервые. Молодые и целеустремлённые ровесники Майкла постепенно прокладывали собственные пути к триумфу.

– Эй, Майкл, всё таскаешь чужие рапиры? – крикнул один из новичков, крепкий блондин с лицом без единого шрама. Парочка его приятелей засмеялась. Тео знал этот тип за-

щитников. Самоуверенные, рвались на Арену, едва закончив учёбу. Большинство на ней и оставались в течение первого года. Лежащими лицом в песке.

К достоинству Майкла, тот никак не отреагировал на нападки. Хотя в глазах парня давно читалась мольба поручить ему дело. Почти все его сокурсники уже дебютировали на Арене. Без сомнений Майкл был готов: семнадцать тысяч очков на тренажёре для фехтования (ещё немного и рекорд Тео сместится на вторую строчку – вот она, старость), девятиностовосьмипроцентная точность при стрельбе из револьвера... Но что-то всё время останавливало от того, чтобы позволить парню расправить крылья. Возможно, причиной было осознание того, что, позволив ему сделать этот шаг, сам Тео сделает первый шаг к пенсии. Несколько лет на курортах ближней орбиты, а там уже и до оцифровки недалеко...

Возраст и профессиональные травмы всё чаще давали о себе знать. Пока он держался в десятке самых высокооплачиваемых юристов Нью-Эйджа. К его услугам прибегали и политики, и звёзды шоу-бизнеса, а в прошлом году довелось защищать честь самого министра Трансконтинентального союза. Но как долго ещё удастся держаться не волне триумфа? Два года? Пять? С каждой победой всё большую часть гонораров (сопоставимых с бюджетом какой-нибудь отдалённой провинции) приходилось тратить на восстановление и импланты.

Так не лучше ли уйти сейчас? Не дожидаясь момента, по-

ка тебя протащат по песку под смех публики?

Можно назначить Майкла младшим партнёром, а в будущем и вовсе передать ему все дела. Нужно смотреть правде в глаза: должность секунданта парень давно перерос. За четыре года стажировки молодой человек превратился из подающего надежды выпускника юридического факультета в *защитника*, который в состоянии дать фору многим практикующим адвокатам четвертого Южного округа. Тео сделал мысленную пометку подыскать для парня дело по силам и поскорее поставить на бой.

Перед судейским помостом проход раздваивался. Справа горой сидел Сид Оффер – на добрых полторы головы возвышаясь над своим нанимателем (впрочем, и над головами трёх четвертей остальных мужчин в этом зале). Тео дружелюбно улыбнулся человеку, с которым меньше чем через час предстоит сойтись в поединке, и, разогнав рой репортажных дронов, направился к собственному клиенту – предпринимателю Берту Расселу.

Рассел – маленький и щедушный человечек неприятной внешности, напоминал Эбенезера Скруджа из детского мультфильма. Он нервно ёрзал на скамье и усиленно потел. Тео в очередной раз усомнился, что Рассел выдвинул правдивые обвинения в мошенничестве против своего подрядчика – Билла Хоффа. Но работа есть работа, в конце концов, платят за победу в деле, а не за сомнения.

– Слава Богу, вы здесь. – Берт смотрел на Тео и Майкла взглядом человека, который услышал, что его неизлечимую болезнь всё же можно вылечить.

– Успокойтесь, мистер Рассел, чем спокойнее вы будете выглядеть перед судьёй, тем выше наши шансы.

От этих слов мистер Рассел спокойнее не стал.

– Разве вы не уверены в успехе, господин Робертсон? Уж не хотите ли сказать, что я плачу все эти деньги зря? – Он вытащил из кармана антиперспирант для лица и принялся распылять спрей на свою сморщенную физиономию. Симпатичнее от этого не сделался, но хотя бы перестал обливаться потом.

– Мы с вами в одной лодке, – успокоил его Тео, – для вас это лишь деньги, а вот мне совсем не хочется занять дырку в боку. Исход дела решается не только на Арене. Прежде стороны должны представить доказательства своей правоты. Ответчик выбирает оружие, но не забывайте, именно судья определяет условия поединка. Я бы предпочел начинать бой если не с преимуществом, то хотя бы на равных. А нервозность делает вас виновным, – Тео понял, что сказал лишнее и поспешил поправиться, – по крайней мере в глазах судьи. Взгляните на вашего оппонента.

Ответчик по делу – мистер Хофф, плотно сбитый человек с шапкой поседевших до белизны волос и белыми кустистыми бровями, сидел с таким видом, будто Тео уже тащили по песку вперёд ногами. Впрочем, он имел все основания смот-

реть подобным образом. Слишком многие соперники его адвоката заканчивали карьеру именно так.

Сид Оффер был плохим вариантом. Пускай ему не доставало ума, но этот недостаток природа щедро компенсировала физической силой. Именно она позволяла Сиду одерживать победы даже в самых сложных и безнадежных делах. Однажды его клиентом стал пойманный с поличным хакер, написавший алгоритм, переводящий полпроцента с любой операции Юнайтед Бэнкс – самого крупного банка гигаполиса – на свои счета. Как же звали того парня? То ли Джим Кертис, то ли Джордж... В общем, его взяла виртуальная полиция, проследившая цепочку следов, оставленную зловредным кодом, до его создателя. Улики были стопроцентные: поддельный цифровой отпечаток, запрещенный софт, восьмизначные суммы на счетах несуществующих людей (при этом у всех были ДНК Кертиса).

Четыре адвоката, ознакомившись с материалами дела, взяли самоотвод. Учитывая тяжесть преступления, попахивало боем на смерть. Но Сид Оффер углядел в происходящем лакомый кусочек. «О'кей, я возьмусь», – просто сказал он. Сумму, конечно, запросил колоссальную – четыре миллиона за участие и ещё четыре за победу. Рекорд десятилетия. Видимо, полицейские нашли не все фальшивые личности то ли Джима, то ли Джорджа, так как парень согласился.

На заседание Сид явился с пустым ПАДом. Но закон «Давида и Голиафа» даёт любому мерзавцу гражданину страны,

ранее известной как Соединённые Штаты Америки, право на защиту судом Бога.

И вот Арена. Бой на рапирах. Сид Оффер начинает с пустыми руками. Его оружие появится на песке лишь спустя шесть минут после начала поединка. Шесть минут! Почти верная смерть. *Почти.*

Бой закончился через четыре. Победой Сиды.

Были, конечно, в его карьере и менее удачные дела. Когда бой сводился к техническим поражениям – до первой крови или нескольких касаний – более ловким или метким юристам удавалось одолеть гороподобного адвоката. Но все дуэли насмерть, или когда поражение засчитывалось тому, кто не может продолжать поединок, Сид Оффер выиграл.

Репортажные дроны зажужжали, сбившись в тёмную кучу, ринулись к кафедре судьи. Не долетев около метра, механические жуки зависли, уткнувшись в барьер. Это означало лишь одно. Тео едва сдержался, чтобы не вскочить на ноги преждевременно – личность судьи оставалась тайной до самого заседания. Открылась дверь в задней части помещения, и в зал вошёл сегодняшний распорядитель схватки.

Между белоснежным париком и иссиня-чёрной мантией виднелось костистое и бледное лицо с носом-крюком. Судья Виктор Рэнт.

Тео с трудом сдержал стон и толкнул локтем закатившего глаза Майкла. Всё же тому не доставало опыта. Вместо разочарования Тео натянул на лицо такое выражение, будто толь-

ко что выиграл в пятничной лотерее.

– Встать, – звонко и почти весело прозвучал женский голос.

Один из тех, что каждый день во время поездок в метро рассказывает о преимуществах новой зубной пасты, а вечером озвучивает прогноз погоды. Этот же голос менее чем через час провозгласит решение судьи, а затем и исход поединка.

Интересно, существуют ли на самом деле девушки, обладательницы этих голосов? Или все они, как и большинство актеров, – лишь компьютерная программа...

Зашуршали тысячи одежд. Судья надменно прошествовал к своей кафедре и жестом велел всем садиться. Начинаясь первая часть шоу.

***

Заседание закончилось в чётко обозначенные регламентом пятьдесят четыре минуты, рекламными паузами разбитые на три отрезка. Сюрпризов оно (к счастью) тоже не принесло. Выслушав показания сторон, судья Рэнт удовлетворил право Сиды на выбор оружия (предсказуемо, тот предпочел рапиры) и вынес решение вести бой до четырёх ранений.

Тут же освещение начало тускнеть. Заработали скрытые в стенах и полу механизмы. Потолок плавно поднимался, а сверху опускались гигантские экраны. Зрители встрети-

ли перемены громкими возгласами – начиналось то, зачем большинство сюда и явилось.

Зал суда превращался в Арену.

***

Громкая музыка на миг оглушила, в то же время вызвав выброс адреналина. Начинался бой. Майкл уже возился, проверяя стёганку. Тео поднял руки, помогая ассистенту затянуть шнуровку. На миг рёбра сдавило слишком сильно, но Майкл тут же ослабил узел.

– Готово. – Секундант обошёл вокруг, придирчиво изучая результат своей работы. – Уверены, что не хотите кольчугу?

– Сделает меня медленным, – отмахнулся Тео. – К тому же, – добавил он, чувствуя, что его, как и почти всегда перед поединком, захватывает *раж*, – Господь благоволит отважным.

Майкл кивнул.

– Осторожнее с его рубящими, сэр. Техника у вашего противника не очень, но бьёт он как сам чёрт.

В подтверждение слов секунданта, Сид Оффер крест-накрест рассёк воздух, чем вызвал громкие возгласы зрителей.

– И посмотрите на *эту* рапиру, она гораздо тяжелее обычных.

Полезное наблюдение. Максимальная длина и ширина клинков, которые использовались в Божьем суде, строго ре-

гламентировались. Оружие не могло превышать три фута в длину и пять дюймов в ширину. В то же время вес клинков никто не ограничивал. Большинство адвокатов стремились создать свои дуэльные рапиры максимально лёгкими, некоторые весили меньше двух фунтов – кому придёт в голову махать тяжёлой железякой?

Но рапира Сиды Оффера явно была массивней обычных. Её вес составлял никак не меньше четырёх, а то и пяти фунтов. Даже через стёганку удар такой штуковиной чреват сломанными рёбрами.

Майкл принялся за воротник, защищающий шею.

«Боюсь, дружище, – подумал про себя Тео, – если я пропущу один из ударов этого палаша, то меня не спасёт и стальной горжет – зверюга попросту снесёт мне голову».

Ситуация усугублялась тем, что Сид Оффер, был гораздо умнее, чем казался. Прекрасно знал свои сильные и слабые стороны. Вместо традиционной для рапир стёганки из толстой кожи, он нацепил кольчугу, обычно использовавшуюся в дуэлях на револьверах. Для большинства это было бы ошибкой, но не для Сиды. Лишние десять или двенадцать фунтов не слишком влияли на его скорость (которая не являлась козырем гиганта), зато существенно снижали количество доступных для атак клинком зон. Фактически, в досягаемости оставались лишь голова и ноги (Тео не сомневался, что в обеих кости заменены титановым сплавом) великана.

– Защитники, прошу к барьеру, – раздался сверху карка-

ющий голос судьи. Через миг эти же слова повторила девица из рекламы.

Майкл сунул в левую ладонь хорошо знакомую рукоять, перемотанную пропитанной потом кожей.

– С Богом, сэр.

Тео, не глядя, кивнул и направился к черте. Он не слышал ни финальных указаний судьи о честном бое, ни криков толпы. Мыслями он уже сражался.

Раздался сигнал.

В то же мгновение Тео активировал замедлитель времени. Всё стало двигаться в двадцать раз медленнее. На самом деле ход времени, конечно же, не изменился. Специальный чип обрабатывал сигналы, поступающие от зрительных и слуховых нервов, и ретранслировал информацию в мозг многократно сжатым потоком.

К сожалению, на скорость движений самого Тео это не влияло. Впрочем, он и так был существенно быстрее Сида. Прошмыгнув под зависшей в воздухе рапирой противника, Тео нанёс хлёсткий удар по ногам. Брызнула кровь. Будь у Сида настоящие сухожилия вместо карбоновых волокон, сейчас он завалился бы беспомощной тушей... но великан даже не пошатнулся.

Тем не менее двойной короткой гудок сообщил Тео о том, что он на полпути к победе и гонорару в семьдесят тысяч долларов.

Однако это же означало, что восприятие времени вернуло

себе привычную скорость. Основным недостатком замедляющего чипа было то, что он практически моментально перегревался – его хватало всего на пару секунд.

Тео слишком поздно заметил движение Сиды. Его мозг ещё не успел перестроиться. Локоть, величиной с небольшое бревно, тараном врезался в челюсть. Тео отлетел на добрых шесть футов, едва не выронив оружие. В звенящей от удара голове раздался ещё один звук – судья засчитал очко Сиду. Но подавать протест было некогда. Великан надвигался подобно урагану. Урагану, сверкающему острым лезвием.

Тео перекатился, уворачиваясь от удара тяжёлого клинка, отвлёк по касательной второй. Угрюмое лицо Сиды выражало полнейшее спокойствие. Великан снова атаковал, но Тео был готов. Он ушёл в сторону и вонзил остриё под мышку противника. Вернее, попытался. Лезвие скользнуло о стальные кольца, и в следующий миг Сид прижал руку к телу, захватив клинок Тео в плен. Великан усмехнулся.

К счастью, его рука с оружием также была занята. Не отпустив рапиру Тео, он не сможет нанести удар и сам. Похоже, что ситуация патовая. Мексиканская дуэль? Так вроде бы называется...

БДФ! Левый кулак Сиды врезался в щёку Тео, разрывая её о зубные импланты стоимостью восемь тысяч за штуку.

А может и нет!

БДФ! Один из имплантов не выдержал и оказался во рту совсем не в том месте, которое определил ему стоматолог.

Тео сплюнул кровь и мутнеющим взглядом увидел, что табло со стороны Сида показывает уже тройку. Что за дерьмо? С каких это пор обычные оплеухи считаются ранениями?! Чёртов судья Рэнт.

Тео качнулся, избегая новой встречи с окровавленным кулаком. Попытался высвободить оружие – напрасная попытка, всё равно что тащить Экскалибур из камня.

Рот Сида слегка искривился. Эта то ли гримаса, то ли ухмылка вызвала у Тео новый приступ ярости. Он ухватился за рукоять обеими руками и рванул клинок в сторону. Со звоном лезвие переломилось. Времени осмысливать происходящее не было. Очередной кулак-кувалда нёсся, чтобы выбить дух из нерасторопного адвоката. Тео ткнул обломком рапиры в глаз Сида. А затем свет рассыпался в новой вспышке боли.

***

Тео сидел в своём углу, приложив к разорванной щеке пакет с анестетиком. Вокруг летало с полдюжины репортажных дронов. Ещё больше, подобно трупным мухам, кружилось возле второго адвоката – без времени почившего Сида Оффера.

– Какое же тут может быть ещё решение? – взмывая руки к небесам (в данном случае к голографическому потолку), восклицал Берт Рассел.

– По условиям поединка победителем считается тот, кто первым четырежды пустит сопернику кровь, – терпеливо, минимум в одиннадцатый раз объяснил причину заминки Майкл, и Тео был ему безмерно признателен за это. Несмотря на анестезию, щека болела адски. – Мистер Робертсон успел нанести сопернику всего лишь три раны до того, как... бой закончился в связи со смертью адвоката ответчика. В то же время сам мистер Оффер четырежды окропил песок кровью нашего с вами друга.

Тео сплюнул красным.

– Между прочим, с вас причитаются дополнительные восемь тысяч – стоимость моего грёбаного зуба и, опережая ваш вопрос, – да, об этом сказано в контракте. Пункт семнадцать, часть...

– Ну, какие могут быть вообще сомнения? – Рассел будто и не слышал требования об увеличении гонорара. – Мистер Робертсон жив и... – он окинул взглядом изуродованную физиономию Тео, – и на ногах, в то время как адвокат этого подлеца уже отправился на суд Создателя. Неужели это не самое очевидное доказательство моей правоты?

Дальнейшие возвания к справедливости утонули в звуке фанфар. Тео увидел своё изуродованное лицо на одном из гигантских экранов. Он попытался улыбнуться, но вышло скверно. Другой экран демонстрировал мертвеца Сида Оффера. Два других показывали лица участников судебного процесса.

– Итак, рассмотрев результаты дуэли по делу Рассел против Хоффа, в которой стороны представляли адвокаты Тео Робертсон и Сид Оффер, судья четвертого Южного округа суда Нью-Эйджа Виктор Рэнт пришёл к следующему заключению...

Девушка, вечерами рекламирующая зубную пасту, сделала драматичную паузу. Тео увидел, как задрожал кадык у его клиента. Майкл сжал кулаки до белых костяшек. Что касается его самого, ему просто хотелось как можно скорее убраться отсюда. Победителем или проигравшим – не важно. Лишь бы скорее. Ближайшие два-три дня его ждёт персональная больничная палата в клинике святого Георга, подушки с охлаждающим гелем и много-много сеансов физиотерапии...

– В данных обстоятельствах суд Божий не смог выявить правоту. Судья Рэнт вынужден назначить повторную дуэль на прежних условиях. Поединок состоится завтра в полдень. В соответствии с законом «Давида и Голиафа» стороны вправе как самостоятельно защищать свою честь, так и прибегнуть к помощи адвокатов.

– Матерь Божья! – Тео слишком поздно понял, что вслух произнёс запрещённое ругательство.

Коротко пискнул вживлённый коммуникатор, извещая о штрафе в две сотни.

– Сэр, разве такое вообще возможно? – Майкл выглядел так, словно увидел живую собаку.

– Теперь, да, – ответил Тео, с сожалением отпуская мысли об отдельной больничной палате.

***

Щека чесалась после косметической процедуры по восстановлению кожи. Выбитый зуб занял привычное место.

Тео прикоснулся к дактилоскопическому датчику, и медицинское заключение загрузилось в память. Он читал и по мере чтения настроение проваливалось на нижние уровни города. Туда, где прячутся еретики, куда солнечные лучи не попадали уже много десятилетий, где патрульные дроиды запрограммированы стрелять на поражение.

Результаты первичного сканирования (не сказать, что это было неожиданностью – голова до сих пор кружилась, – но Тео надеялся, что всё не так плохо) оказались неутешительны. Кроме косметических повреждений у Тео была серьезная черепно-мозговая травма. Это означало, что какое-то время стоит провести под наблюдением медицинского сканера. Если, конечно, ему не хочется отправиться на оцифровку раньше срока.

Вот только уже завтра необходимо выйти на арену. Этот идиот Рассел отказался менять защитника. А взять самоотвод после начала судебного процесса означает отзыв адвокатской лицензии. Проклятье. Остаётся надеяться, что доктор Мэйс сможет предложить какое-нибудь лекарство. Что-

то, способное уменьшить последствия травмы хотя бы на время.

Тео вызвал Майкла по вживлённому коммуникатору. Снова короткий сигнал сообщил, что тот недоступен. И где черти носят парня, когда он нужен?

В палату вошёл доктор Мэйс. Будучи ровесником Тео, выглядел док как студент-первокурсник. Хвала современным косметическим технологиям.

– Вижу, ты уже ознакомился с результатами?

Тео кивнул – стены палаты подернулись рябью. Едва не стошнило.

– Основная проблема вызвана воздействием противоудара. – Врач развернул голографический свиток. В воздухе появилось изображение черепа, идентичное тому, что Тео минуту назад видел с помощью внутреннего коммуникатора. Область мозга (*чертовски большая*) в той части головы, которой вроде бы меньше всего досталось, подсветилась противным красным. – Гидродинамические колебания вызвали негативное воздействие на отростки твердых мозговых оболочек...

Тео замахал рукой.

– Полегче, док. Не все здесь присутствующие изучали физиологию для того, чтобы лечить людей, а не калечить. Можно попроще?

Мэйс хмыкнул.

– Советую тебе провести в постели пару дней. А лучше –

остаться на это время в больнице.

Тео взял со столика стакан воды и сделал большой глоток прохладной влаги. Головокружение уменьшилось. Немного.

– Завтра я должен быть на Арене.

Доктор Мэйс смерил Тео взглядом недовольного родителя. Однако он был слишком умён и слишком хорошо знал своего пациента, чтобы задавать вопросы или отговаривать. Вместо этого Мэйс вытащил из халата инъекционную капсулу с серой субстанцией.

– Это поможет защитить твой мозг. Временно создаст дополнительную молекулярную оболочку. Действует примерно час. Старайся всё же избегать особенно сильных потрясений.

Тео показалось, что сквозь грозовую тучу пробился лучик света. Это ведь именно то, что нужно. Вот только... выражение лица доктора Мэйса по-прежнему не внушало оптимизма.

– Но? – спросил Тео.

Мэйс приподнял одну бровь.

– Ты собирался сказать «но». В таких ситуациях всегда следует какое-то «но». Времена года больше не меняются, а жизнь остаётся сукой.

Мэйс усмехнулся. Весьма невесело.

– Так что там за «но», док?

Мэйс вздохнул.

– Твои рефлексы притупятся. Возможно, не будут работать некоторые мозговые импланты.

– Некоторые?

– Скорее, все. Появятся боли, головокружения, тошнота. Словом, ты почувствуешь себя... старым.

***

Тео, щурясь, брёл по залитым лазерным светом улицам и чувствовал себя старым. После таких новостей ему *было необходимо* пройтись. Снобам, презирающим гораздо более быстрый и эффективный общественный транспорт и проносащихся сейчас мимо в личных хOVERкарах, картина виделась весьма странной: одинокий человек идёт по тротуару. Кому в здравом уме придёт в голову *ходить* по улицам? Магнитные поезда могли доставить в любую (*стоящую посещения*) часть города. Возможно, в трущобах нижних уровней у кого-то и есть необходимость перемещаться таким способом, но, скажите на милость, когда вы видели, чтобы состоятельный человек бродил где-то, кроме парков? Похоже, док прав, и мозгам Тео действительно здорово досталось.

Исполинские рекламные вывески, которые сто лет как никто не замечал, окрашивали яркими цветами фасады зданий. Там, внутри серых громадин, размерами насмехавшихся над горами, копошились микроскопические существа-падальщики, высосавшие все соки из этой замусоренной земли, сделавшие её, равно как и земли, раскинувшиеся на много миль вокруг, бесплодной и отравленной. Даже сам воздух

(несмотря на то, что его состав ежечасно проверялся и при необходимости корректировался) был пресным и мёртвым.

Город, занимавший половину континента, давным-давно превратился в высушенную мумию. Металлические артерии пронизывали пустоту окаменевшего тела. Внутри них без устали носились поезда-пули, доставляющие падальщиков из одной части гигаполиса в другую.

Двадцать миллиардов человек. Двадцать миллиардов существ, каждому из которых необходимы воздух, вода, еда, кров. А ведь раньше считалось, что Земля не способна выдержать больше двенадцати. Действительно, в какой-то момент планета была на краю гибели. Бесплодная почва; вода, отравленная бесчисленными отходами; истончившийся озоновый слой, пропускающий солнечную радиацию сверх нормы. Животные и насекомые вымирали целыми популяциями, исчезали леса.

Но то, с чем не справлялась природа, победила наука. После экологической катастрофы две тысячи двухсотых мир шагнул в новую эпоху – рукотворного рая.

Генераторы кислорода заменили собой умирающие растения. Отходы утилизировались и переутилизировались – вся одежда, что была сейчас на Тео, состояла из частиц тканей, бывших в употреблении уже не один десяток лет, а пища, которую печатали в дешёвых забегаловках, в прямом смысле слова состояла из дерьма. В более-менее приличных заведениях, конечно, такого не допускалось, там использова-

лись ингредиенты с ферм по клонированию. А в самых лучших местах можно было даже проследить весь путь появления блюда, начиная от ячейки по выращиванию.

Медицина также получила новые перспективные направления. Имплантология, нанотерапия, генная инженерия, клонохирургия... жизнь человека стала длиннее и проще. Теперь никто не удивлялся приглашению отпраздновать вековой юбилей. Сам Тео давно перестал вести счёт прожитым годам. Когда придёт время, служба по контролю населения напомнит, сколько ему осталось.

Люди плодились и размножались. Города разрастались подобно плесени. Но всё имеет свою цену. Даже при современном уровне науки планета оставалась под угрозой. Ещё немного и «мумия» развалится, выпустив копошащихся внутри паразитов в абсолютный холод космоса.

Скорее всего, человечество не пережило бы вторую катастрофу. После десятилетия споров и обсуждений правительства всех семи государств приняли ограничительные меры: жёсткий контроль над рождаемостью и установление максимальной продолжительности жизни. Сто двадцать семь лет. Затем – оцифровка...

Мимо пронёсся очередной хOVERKAP, спеша куда-то по ночному (*что вовсе не означает спящему*) городу. Но Тео не торопился. Он знал, что заснуть сегодня будет трудно. Дело даже не в головной боли (болеутоляющее, выписанное доком, работало). Завтра предстоит бой, который может стать

бесславным концом в славной карьере великого Тео Робертсона.

Будто этого было мало, судьба подложила очередную свинью (ещё одно из старинных высказываний, так любимых Тео, которое потеряло всякий смысл. Кому придёт в голову выращивать целую свинью, а не отдельные её части – те, что лучше подходят для запекания?). Противника хуже Тео не придумал бы, даже если бы захотел. Сойтись на Арене придётся не с кем-нибудь, а с *Майклом*. Пожалуй, единственным человеком во всём этом грёбаном мире, на кого было *не* плевать. Единственным другом за многие годы. И одного друга Тео вполне хватало. По его мнению, значение дружбы сильно переоценивали.

Когда-то давно он умел проявлять мягкость и доверие. Хотя, признаться, отношения с людьми у него всегда складывались трудно, обе бывших жены с удовольствием это подтвердили бы. В любом случае то время давно прошло, и в душе Тео не осталось ни капли мягкости. Так он думал до сегодняшнего вечера, пока не позвонил Майкл.

Тео не хотел винить парня. Не мог винить. Он сам был виноват в случившемся (*что, Майкл, до сих пор таскаешь чужие рапиры?*). Давно стоило уделять больше внимания *развитию* своего ученика. Но всё же винил.

Однажды кто-то сказал, что некоторые слова ранят не хуже клинка. Помнится, тогда Тео расхохотался. Но теперь, после разговора с Майклом, казалось, что живот вспороли

ножом, а кишки волокутся где-то сзади, оставляя кровавый след на тщательно вымытом тротуаре.

Услышав о том, что Майкл собирается занять место Сиды Оффера в завтрашней дуэли, Тео решил, что его коммуникатор повреждён. Иначе как могла полупрозрачная картинка с лицом его единственного друга сказать такое. Но тёмные глаза упрямо смотрели вперёд, и секундант (*бывший!*) повторил сказанное.

Даже тогда надежда теплилась – может, шутка?

Но нет, так всё и должно было закончиться. Не предадут лишь враги. Возможно, будь Тео прозорливей – раньше смекнул бы, что давно пора дать Майклу волю. Возможно, будь старина Сид чуть лучшим (или чуть худшим, тут уж как посмотреть) бойцом, парнишка ещё потерпел бы какое-то время. Возможно, не будь Хофф таким хитрожопым козлом, он не переманил бы того на свою сторону. Возможно, знай Майкл о проблемах своего наставника и работодателя (*бывшего!*) со здоровьем, он бы отказался. Тысячи «возможно», но вот *факт*: завтра Тео выйдет против лучшего друга и вряд ли что-то способно это изменить.

Потом Майкл долго говорил про признательность и сожаление. О том, что годы стажировки у Тео были честью для него. Что он надеется, вне зависимости исхода завтрашнего боя, сохранить отношения.

Тео даже пожелал ему удачи.

Пожалуй, стоило устроить парню хорошую взбучку. При-

пугнуть связями. Сказать, что если он не откажется от этой глупой идеи, то не сыскать ему клиентов во всём Нью-Эйдже... Да что толку? *Alea jacta est*¹. Если Майкл завтра одержит верх (*что очень даже возможно*), ему от заказов отбоя не будет. С этим ничего не поделать. Тео уже представлял заголовки свежих новостей: «УЧЕНИК проучил УЧИТЕЛЯ», «ДЕБЮТАНТ побеждает ЛЕГЕНДУ», «НОВЫЙ король АРЕНЫ».

Он даже удивился твёрдости собственного голоса, которым прощался с Майклом. Будто говорил совсем другой человек. Совершенно незнакомый.

Но кому-то завтра нужно выиграть, а значит, кто-то должен упасть. Грусть, боль, разочарование – все эти чувства прятались, потому что на сцену выходил *раж*. После боя они вернуться, будут терзать его душу, но пока...

Фермер выращивает еду. Политик обманывает людей. А Тео – адвокат. Он сражается за чужую правду на Арене. Занимается этим всю свою жизнь. Стал лучшим в этом деле, чёрт возьми! И если сопляк считает, что способен доказать обратное, – пусть попытается.

***

Тео задыхался от жары, в то же время его конечности немели, словно он решил заняться лыжным слаломом без

---

¹ жребий брошен

перчаток и ботинок, выставив параметры трассы на минимальную температуру. Озноб и лихорадка сегодня также заглянули в гости. Притащился и старый приятель «тошнотворный Ра-альф».

Чёрт! Док вообще тестировал свой препарат на чём-то, кроме отдельно выращенных органов? Арена рассыпалась мириадами осколков, сверкала, кружилась и собиралась в жуткие туманные облака.

Где-то вдалеке маячила знакомая фигура Майкла. Если отбросить несколько тысяч зрителей, тучу репортажных дронов и тот факт, что биться сегодня парень будет *на смерть*, – похоже на их обычный тренировочный поединок. Тео схватил рукоять рапиры, протянутой назначенным судом секундантом. Прوماхнулся. Прицелился получше. Со второго раза ему удалось. Блеск! Хорошо если получится хотя бы ткнуть оружием в верном направлении.

Тут зрение прояснилось. До идеала было по-прежнему далеко, но пол и трибуны перестали качаться, фигура Майкла, разминающего суставы, обрела более-менее чёткие очертания. Тео поработал кулаком, к которому возвращалась чувствительность. Попробовал пару пробных стоек – всё не так плохо. Что ж, если выиграть сегодня и не суждено, лёгкой победы бывшему ученику он дарить не намерен.

– К барьеру, – прозвучал знакомый голос девушки.

Зрители взревели, словно почуявшие кровь хищники.

Тео уверенно шагнул навстречу судьбе.

Майкл моложе и быстрее. Безупречная техника фехтования. Его мозги не превратили накануне вечером в переваренную кашу. Словом, будь Тео букмекером, вряд ли установил бы на победу парня плюсовой коэффициент. Но кое от чего фавориту боя всё же хотелось избавиться.

Сейчас, кружа с рапирой в вытянутой руке, Тео это видел.

Страх.

Он завладевал Майклом. Читался в расширенных зрачках, капельках пота на лбу и щеках, в воздухе чувствовался его запах. Одно дело – представлять, как посылаешь старика на песок, другое – видеть нацеленное на тебя острие. Никакой страховки или симуляций. Одна ошибка может открыть счёт установленным в тело имплантам, а то и отправить на истинный суд Божий. Всё так. Неверное движение – и ты больше никогда не увидишь, как встаёт солнце.

Каждый боец чувствует страх во время поединка. Но не каждый умеет находить ему применение. Кто-то поддаётся, бросает штурвал и в ужасе смотрит, что произойдёт в следующие несколько секунд. Обычно нескольких секунд достаточно, чтобы всё закончилось.

Кто-то пытается со страхом бороться. Притворяется храбрым, старается игнорировать его проявления, а то и вовсе действует ему вопреки. Как правило, эти тоже не очень хорошо заканчивают.

Но есть и третья категория. Те, кто используют страх как

топливо. Заправляют им скрытые резервуары и в нужный момент вливают в кровь, заставляя тело в последний миг уходить от атаки, вырваться из безвыходных ситуаций и не мешкать, когда предоставляется шанс. Вот они как раз и становятся победителями.

Из-за побочных действий лекарства Тео не мог замедлять время, сканировать движения и предугадывать тактику оппонента, усиливать зрение или слух. Но чтобы видеть колебания Майкла, импланты были не нужны.

Майкл сделал пробный выпад – весьма корявый, на тренировке за такое Тео устроил бы парню взбучку. Даже в нынешнем состоянии уклониться было легко. Отступил на шаг от второго. Движения парня скованны – словно это его мозги сейчас плавали в синтетическом желе. Тео отбил серию из двух ударов и дёрнул кистью. Острие рапиры молнией метнулось к щеке Майкла, оставило там красную полосу и вернулось на место.

Парень коснулся ранки и уставился на окровавленные пальцы. Чтобы ему было легче поверить, коротко прозвучал сигнал.

Но едва стих гудок, Майкл уже собрался и атаковал. Теперь к его технике было не придраться. Каждый выпад стремителен и выверен. Тео чувствовал, как по спине течёт пот, а к горлу подбирается тошнота. Один удар он видел, но не сумел отразить, второй даже не заметил. Обе раны пустяковые, всего лишь царапины, но теперь впереди был Майкл.

Тео понимал, что нужно срочно менять тактику. Улучив момент, он расставил руки в стороны, показывая, что не собирается блокировать удар. Когда же Майкл сделал выпад, эффектно «провалил» оппонента и толкнул плечом, заставив того махать руками, словно пытающаяся взлететь птица. Публика загремела овациями, а Тео скривил рот в усмешке. Это вызовет *злость* – ещё одного врага для того, кто не умеет её направлять.

Пытаясь реабилитироваться, Майкл оскалился и бросился в атаку со скоростью, граничащей со световой. Его рапира замелькала в воздухе. Тео отступал – почти убегал. Майкл нёсся вперёд, чуя кровь и желая возмездия. Не успевший убраться с дороги репортажный дрон исчез в фиолетовой вспышке. В этот момент Тео присел и ткнул в бедро своему бывшему ученику. Придай он клинку боковое движение, когда освобождал его – рассёк бы парню квадрицепс.

Такая травма почти наверняка гарантировала бы победу, но к этому времени Тео решил, что не станет калечить Майкла. Унизить? Пожалуй, этого достаточно.

Крик боли слился в один звук с гудком. Тео вскинул руки, приветствуя толпу. Зрители ответили громкими овациями. Теперь основная их часть восхваляла Тео Робертсона. Встающего же Майкла встречали совсем иные, нежели в начале боя, возгласы.

Отчаяние.

Оно может заставить тебя идти до конца... а может озна-

чать твой конец. Тускнеющий взгляд Майкла давал понять, что тот выбрал второй вариант.

Тео пошёл в атаку. Бывший ученик, словно позабыв обо всех техниках боя, неуклюже парировал удары, отступая и хромя на повреждённую ногу. Тео трижды прошёлся сталью по рёбрам противника (с удовлетворением отметив новые гримасы боли на лице Майкла), а затем ударил сапогом в разрастающееся на ноге соперника кровавое пятно. Майкл упал как сноп.

Тео шагнул вперёд, наступил на его правую руку, заставляя выпустить оружие. Удивительно, но парень не сдавался – напротив, несмотря на боль, вцепился в рукоять изо всех сил. Даже взгляд его изменился. Вместо загнанной отрешённости в нём появилась решимость.

Неважно.

Усмехнувшись, Тео вонзил клинок в левое плечо поверженного противника. Лицо Майкла побелело: наполовину от боли, ещё наполовину – тоже от боли.

Прозвучал третий гудок.

Тео выдернул лезвие из тела бывшего друга, выбирая место, куда нанесёт свой победный удар... перед глазами потемнело. Он пошатнулся, пытаясь сохранить равновесие. Мир вокруг завертелся. «Тошнотворный Ра-альф» принялся бегать между горлом и желудком.

Рука Майкла выскользнула из-под сапога. Что-то больно ткнуло в живот. В ответ Тео вслепую махнул рапирой раз,

другой. Затем свет погас окончательно.

***

Тео, не спеша, водит пальцем по интерактивной поверхности стола, листая хорошо знакомое меню.

Раньше он часто заходил в Ройал. Ужинать здесь после победы в суде стало своеобразной традицией. Обычно бронировать столик в Ройал нужно было за месяц, но для Тео всегда находили местечко. Всё началось, когда молодой адвокат Тео Робертсон вытащил из передраги, грозившей пожизненным тюремным сроком, Лео Макиница – тогдашнего владельца заведения. Макиница обвиняли в убийстве первой степени, тот утверждал, что лишь оборонялся.

На память об этом деле у Тео остался шрам на рёбрах и карт-бланш в самом дорогом ресторане округа.

Помнится, раньше заказы принимали настоящие официанты. Мужчины солидного возраста, все в белоснежных фартуках, похожие на английских дворецких, телепортированных из девятнадцатого века. Но затем официантов заменили роботы, а потом на смену железякам пришли такие вот столы.

В остальном ресторан не изменился.

Голопроекторы последнего поколения создают полнейшее впечатление, что сидишь в уютном уличном кафе давно исчезнувшего города – Венеции. Искусственные цветы в

подвесной клумбе пахнут совсем как настоящие. Буквально в шаге от столика Тео мощёную брусчаткой улицу пересекает канал с мутной водой. Мимо проплывает блестящая чёрным лаком гондола. Умелый гондольер поёт для парочки туристов на итальянском и приветливо машет посетителям ресторана.

Голографический голубь приземляется на край столика. У Тео встреча не с ним. Он прогоняет птицу взмахом руки.

Теперь здесь всем заведует Димацио – внук Лео. К счастью, кухня в Ройал по-прежнему выше похвал. Да и про долг деда Димацио не забывает. Даже сегодня лично вышел к Тео, чтобы приветствовать как самого дорогого гостя, хотя тот и не появлялся в заведении больше года.

Тео выбирает «Цыплёнка Парминьяна». Стол-экран демонстрирует стеллаж с ровными рядами капсул, каждая размером примерно десять на пятнадцать дюймов. Тео разводит большой и указательный пальцы, приближая стеллаж. Внутри капсул, окутанные проводами и трубками, растут части куриных тушек. Внизу каждой капсулы дисплей с возрастом мяса. Тео тыкает в полуторамесячную грудку. Провода отсоединяются, рука-манипулятор хватает капсулу с выбранной грудкой и отправляет её на движущуюся ленту. Немного подумав, Тео переходит в основное меню и добавляет к заказу «Панну котта» на десерт и «Американо» (в этот момент он рад, что его не обслуживает настоящий официант. Выбор в пользу разбавленного водой кофе наверняка вызвал бы

неодобрительный взгляд). В маленьком всплывающем окошке по-прежнему можно видеть дальнейшую судьбу «цыплёнка», который попадает на стол к повару ресторана. Тот принимается за работу.

В этот момент к столику подходит темнокожий мужчина в деловом костюме. Тео обращает внимание на подогнанную под фигуру одежду и дорогую ткань.

– Привет, Майкл, – он встаёт и жмёт протянутую ему руку.

Рукопожатие крепкое. Тео отмечает про себя загрубевшие мозоли на ладони бывшего ученика и... о, чудо! На щеках парня настоящая щетина. Аккуратная, как раз такой длины, чтобы спрятать тонкий белый шрам.

– Отлично выглядите, сэр, – робко замечает Майкл.

Тео смеётся.

– Значит, я уже достиг этой стадии?

– Сэр?

– Знаешь, какие три стадии проходит мужчина в период между детством и оцифровкой?

Майкл смущённо качает головой.

– «Ещё рано думать об этом», – Тео загибает мизинец, – «ещё успею», – безымянный палец, – «ещё отлично выглядишь».

Оба мужчины смеются. Теперь обстановка более разряженная, и Тео предлагает бывшему ученику сесть.

– Слышал о твоей победе в деле Джефферсона, – говорит

он, пока Майкл изучает меню. – Дерринджер – серьёзный соперник. Пару раз едва не отправил меня на тот свет.

– Просто повезло, – Майкл отмахивается. – Револьвер противника дал осечку.

Парень останавливает выбор на «Тортеллини» с овощной начинкой. Тео машет головой.

– «Просто повезло» не выводит в топ юристов округа за год.

Майкл прячет довольную ухмылку.

– А суд над Генри О’Квиллом? Одна пуля против шести!

Губы Майкла продолжают возражать, но глаза говорят: «Так и есть! Я это заслужил, чёрт возьми». Он горд собой и не может этого скрывать. Внезапно Тео осознаёт, что тоже гордится Майклом, словно художник своей лучшей работой. Остатки злости и обиды всё ещё присутствуют, но они давно утратили свою власть, моргают тусклыми огоньками где-то очень далеко, на задворках сознания.

– Признаться, сэр, вы меня здорово удивили.

Тео машет рукой.

– Завязывай с этим «сэр», приятель. Просто Тео. Как можно называть «сэр» человека, которого отправил в нокаут? И давай на «ты».

Тео улыбается, но по лицу Майкла видит, что шутка вышла не слишком удачной. Тут приносят блюда. Это сглаживает острый для обоих момент. Мужчины принимаются за еду. Уничтожив половину своей калорийной бомбы (за это

время они обсудили обеих бывших жён Тео и прошлись по самым курьёзным делам в совместной работе), Тео решает перейти к сути встречи.

– Так чем же я тебя удивил?

– После того боя... вы просто исчезли. – Похоже, Майкл пропустил мимо ушей ту часть, в которой Тео предлагал оставить формальности. – Всё бросили. От вас не было вестей больше года. И тут вдруг звоните, предлагаете поужинать в самом дорогом ресторане округа.

Тео пожимает плечами.

– Я много путешествовал. – С «Цыплёнком Парминьяна» покончено, Тео принимается за десерт, который запивает мелкими глотками кофе. – Много думал.

Майкл лишь выжидающе смотрит в ответ. А парень кое-чему научился за прошедшее время.

– Ладно. Дело касается того боя, но, прежде всего, хочу сказать, что не держу на тебя зла. Ты поступил так, как поступили бы девять из десяти парней твоего возраста. А оставшийся десятый – трус и неудачник.

Майкл смущённо улыбается.

– Прошлое в прошлом?

Тео протягивает руку. Майкл крепко её жмёт. Но, прежде чем отпустить хватку, Тео забрасывает приманку.

– И всё же хочу задать один вопрос.

Парень ёрзает, чувствуя подвох.

– Конечно, сэр, то есть Тео, спрашивайте что угодно.

– Хорошо. – Тео лукаво улыбается в свою новую бороду.

– В тот раз ты не давал мне поблажки?

Майкл молчит несколько секунд, затем решительно качает головой.

– Нет, сэр. Я выложил на все сто.

Тео отпускает руку бывшего ученика.

– Тогда можно тебя кое о чём попросить.

– Сэр? – Майкл, кажется, чувствует, что угодил в ловушку, но не понимает, как из неё выбраться.

– Это касается моей фирмы, офиса, тренировочного зала и прочей бюрократической ерунды.

Майкл прочищает горло.

– Конечно, сэр. Всё это ваше. Я выплачу причитающиеся проценты за тот год, что использовал их. И освобожу помещения в ближайшее время.

Тео трудно сдержать очередную улыбку.

– Ты меня неправильно понял. Хочу переписать это ба-
рахло на твоё имя. С адвокатской карьерой я завязал. В мире
полно других радостей, и именно им я собираюсь предаваться
в оставшиеся мне годы. – Сказать, что Майкл удивлён,
значит сказать, что Нью-Эйдж большой город. – Разумеется,
я попрошу небольшую плату... скажем, десять процентов в
течение первых пяти лет звучит достаточно честно.

– Спасибо, сэр... – Голос Майкла хриплый от волнения. –
Но всё это стоит гораздо дороже! Минимум пятнадцать про-
центов.

Тео машет рукой.

– Майкл, если будешь сопротивляться, то десять превратятся в семь. А не поможет – оформлю дарственную.

Сияющей улыбкой парня можно рекламировать стоматологическую клинику. Мужчины жмут друг другу руки в третий раз.

– Десять процентов и одна небольшая услуга.

***

Старый тренировочный зал почти не изменился, но всё же перемены есть. Майкл обновил тренажёр по стрельбе. Исчезли голо-плакаты с героями дуэлей прошлого столетия. В остальном всё, как и было в прежние времена.

Тео стягивает с себя джинсы и свитер, в которых ужинал в ресторане, и надевает свою старую компрессионную тренировочную форму. Надо же! По-прежнему впору. Застегнуть жакет в одиночку сложно, но и с этой задачей он справляется.

Майкл уже готов к поединку. Нетерпеливо расхаживает за пределами круга. Значит, этот вопрос не давал покоя и ему. Тем лучше. Теперь можно быть уверенным, что он не станет отдавать победу дядюшке Тео из жалости.

Тео берёт рапиру, проверяет развесовку, делает пару взмахов и медленно направляется к центру круга. Майкл идёт навстречу.

– Четыре касания? – они уже обговорили правила, но, как истинный юрист, он всё уточняет.

Тео кивает.

– Без имплантов.

Тео снова кивает, пряча улыбку в усах. Ему не нужны импланты. По телу разливается знакомое покалывание. *Раж.* Адвокатская карьера в прошлом, но, *Боже, как же ему этого не хватало!*

Майкл отдаёт честь и принимает стойку.

– Сэр?

Тео вопросительно приподнимает бровь.

– Сейчас я вам задам!